

© 2009 г. А.Б. ШЛУИНСКИЙ

РЕФЛЕКСИВНЫЕ МАРКЕРЫ В ЯЗЫКАХ С СЕРИАЛЬНЫМИ КОНСТРУКЦИЯМИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭВЕ И АКАН)*

В статье рассматриваются рефлексивные маркеры в двух наиболее крупных языках ква, эве и акан, – «классических» языках с сериальными конструкциями. Вначале обсуждается синтаксическая организация сериальных конструкций в этих языках и описывается употребление рефлексивных маркеров в синтаксических позициях эве и акан, не связанных с сериальными конструкциями. Исследуется употребление рефлексивных местоимений в специфических синтаксических позициях, отсутствующих в «не-сериальных» языках: рассматриваются именные группы, зависимые от семантически полноценных и семантически редуцированных глаголов в сериальной конструкции и зависимые от «левых» и «правых», с точки зрения линейного порядка, глагольных лексем; отдельно рассматриваются рефлексивы в каузативных сериальных конструкциях. В заключение предлагается иерархия позиций рефлексива в сериальных конструкциях, представленных в рассматриваемых языках, и делается попытка соотнести эту иерархию с универсальной иерархией позиций рефлексивных местоимений.

Задача настоящей работы – описание функционирования рефлексивного маркера в языках, в синтаксисе которых центральное место занимают так называемые сериальные конструкции. Исследование синтаксических свойств рефлексива, которое проводится в рамках различных теоретических направлений – ср. [Chomsky 1981; Reinhart 1983; Падучева 1985; Manzini, Wexler 1987; Тестелец, Толдова 1997; Frajzingier, Curl (eds.) 2000; Лютикова 2002; Гращенкова 2006], – во многом состоит в том, что описывается набор синтаксических позиций, в которых допускается употребление рефлексивного маркера, кореферентного подлежащему (в некоторых языках возможна и кореферентность рефлексивного маркера другим актантным именным группам, см., например [Лютикова 1999]), а также предлагаются теоретически-ориентированные обобщения о том, каким этот набор синтаксических позиций может быть. При этом, естественно, выборка языков, на материале которых проводились указанные исследования, не полна; в частности, материал языков с сериальными конструкциями в работах по рефлексиву рассматривался мало. Если использование рефлексивного маркера в центральных синтаксических позициях таких языков описано (ср. [Saah 1989; Osam 2002] для языка акан – одного из языков, обсуждаемых в настоящей работе), то практически не затрагивалось его поведение в специфических позициях, связанных с синтаксисом сериализации предикатов и потому существующих только в языках с сериальными конструкциями. Настоящая работа на материале двух в целом относительно хорошо описанных языков заполняет эту лауну.

Языки ква считаются наиболее типичными представителями языков с сериальными конструкциями; в частности, именно в классических описаниях этих языков [Christaller 1875: 69-73] (для акан) и [Westermann 1907: 94-101] (для эве) конструкции такого типа были впервые введены в научный оборот. Языки эве и акан принадлежат соответствен-

* Автор выражает свою признательность участникам обсуждения на конференции «Синтаксические структуры» (Москва, РГУ, 6–7 апреля 2007 г.), где была представлена предварительная версия данной работы. Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 05-04-04149а «Основы африканского языкознания: синтаксис именных и глагольных групп».

но к левобережной и нё (Nyɔ) ветвям языковой семьи ква. Они являются самыми крупными языками этой языковой семьи: на них говорят соответственно 2.5 и 8.3 млн человек, преимущественно в республике Гана. Представляемый здесь материал в основном получен автором от информантов этих языков¹.

1. ПОНЯТИЕ СЕРИАЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ

Понятие сериальной конструкции обсуждается в литературе на протяжении сорока с лишним лет – назовем только самые крупные публикации [Sebba 1987; Lord 1993; Alsina et al. (eds.) 1997; Stewart O. 2001; Aikhenvald, Dixon (eds.) 2005]. Началом этого обсуждения, по-видимому, явилась статья [Stewart J. 1963], в которой обсуждается материал акан – одного из рассматриваемых нами здесь языков. Сериальные конструкции в языках ква и ареально-типологически близких к ним² считаются своего рода «прототипом» при описании сериальных конструкций языков иных ареалов и генетических объединений. Под сериальной конструкцией понимается особая организация предикации, состоящая в том, что она содержит более одной финитной глагольной лексемы. Так, например, предложения (1) и (2) из языка эве представляют собой предикации, содержащие единственное подлежащее и цепочку из двух глагольных групп, состоящих из глагольной формы и объектной именной группы:

(1)	kofi	ɲlɔ	agbalɛ	na	ama	ЭВЕ
	Кофи	писать	бумага	давать	Ама	
	'Кофи написал письмо Аме'.					
(2)	kofi	tsɔ	ehe-a	lã	elã	ЭВЕ
	Кофи	брат	нож-DEF	резать	мясо	
	'Кофи взял нож и порезал мясо'/'Кофи порезал мясо ножом'.					

Применительно к языкам Западной Африки широкое понимание сериальных конструкций допускает два различных случая. Первый, центральный, случай состоит в том, что в сериальную конструкцию входят два или более морфологически финитных глагола. Так, например, в предложении (3) содержатся две финитных глагольных формы, каждая из которых маркирована видо-временным показателем прошедшего времени:

(3)	kofi	ts-ɔ	bukuu	ma-a	ama	АКАН
	Кофи	покупать-PST	книга	давать-PST	Ама	
	'Кофи купил книгу Аме'.					

Второй случай имеет место, когда в сериальную конструкцию входят морфологически финитные глаголы и глаголы, представляющие собой чистую основу, не тождественную никакой финитной глагольной форме. Так, например, в предложении (4) глагол *ba* 'приходить' имеет показатель прошедшего времени, тогда как глагол *de* 'брат' не имеет никакого видо-временного маркирования:

(4)	kofi	de	anka	no	ba-e	АКАН
	Кофи	брат	апельсин	DEF	приходить-PST	
	'Кофи принес апельсин' [Osam 1994: 31].					

¹ Выражаю свою самую глубокую благодарность С. Асаре и О. Анви (акан) и Дж. Джонсону, Э. Азимодо и А. Кугбенья Коми Маунье (эве).

² Характерно, что на определенном этапе компаративистических исследований языков Западной Африки – [Greenberg 1963] – многие «сериальные языки», в действительности к семье ква не принадлежащие, классифицировались как относящиеся к этой семье. См. подробнее о пересмотре состава семьи ква [Williamson 1989], а о типологических чертах «ква» – недавнюю публикацию [Hunap 2003].

Содержательно различие между сериальной конструкцией, представленной в (3), и сериальной конструкцией, представленной в (4), состоит в том, что, хотя частичная семантическая грамматикализация одного из глаголов, входящих в сериальную конструкцию, наблюдается в обоих случаях, формальная грамматикализация имеет место только в (4) (см. о признаках грамматикализации на различных уровнях [Bybee et al. 1994: 4–9]). Хотя в (4), очевидно, степень грамматикализации одного из глаголов существенно больше, чем в (3), представленная там конструкция интерпретируется как маргинальный случай сериализации. Заметим также, что если наиболее употребительной видо-временной формой, как в эве, является форма, не имеющая морфологического маркирования, очевидного способа различения рассматриваемых двух случаев нет, ср. приведенные выше примеры (1)–(2).

Оговорим притом, что в случае заметно более высокой степени грамматикализации элементы, восходящие к глаголам в сериальной конструкции, более естественно синхронно рассматривать как предлоги. Примеры (5)–(6) иллюстрируют употребление предлогов *le* (эве) и *wə* (акан) ‘в’, исходные глагольные лексемы которых со значением ‘быть’ сохраняются и употребляются в обоих языках. Пример (7) иллюстрирует предлог эве *kple* ‘с’, возводящийся к глаголу со значением ‘соединять’, не сохранившемуся в языке на настоящий момент:

(5) *kofi kɔ̃ ama le suku* ЭВЕ
 Кофи видеть Ама быть/в школа
 ‘Кофи видел Аму в школе’.

(6) *me-hyia-a no wə kumase* АКАН
 1SG-встречаться-PST 3SG быть/в Кумасе
 ‘Я встречался с ним в Кумасе’ [Osam 1994: 33].

(7) *kofi ŋlɔ agbalẽ kple nuŋlɔti* ЭВЕ
 Кофи писать бумага с ручка
 ‘Кофи написал письмо ручкой’.

Далее, говоря о сериальных конструкциях, мы рассматриваем только конструкции, аналогичные приведенным в примерах (1)–(4). Примеры (5)–(7) анализируются как предложения с предложной или предложно-послеложной группами, и именно так интерпретируются соответствующие синтаксические позиции при помещении в них рефлексивного маркера.

Остановимся теперь коротко на существующих анализах структуры составляющих в предложении с сериальной конструкцией. В ранних работах по сериализации – [Boadi 1968; Stahlke 1970; Bamgboṣe 1974] (ср. критический разбор в [Schachter 1974]) – предлагался **трансформационный анализ**, предполагающий глубинную полипредикативную структуру у предложения с сериальной конструкцией. Сериальная конструкция рассматривается как поверхностная структура, возникающая в результате трансформации из структуры с более чем одной предикацией. Различия между анализами, предлагающимися в указанных работах, состоят в том, какая именно полипредикативная конструкция предполагается как исходная для какой именно сериальной конструкции. Трансформационный анализ сериализации был полностью отвергнут еще в 1970-х годах³. Отказ от него с необходимостью означает, что сериальная конструкция не предполагает полной структуры предложения для каждого из глаголов, входящих в нее, а сле-

³ Отказ от трансформационного анализа сериальных конструкций примерно совпадает по времени с поиском в рамках генеративной синтаксической теории ограничений на возможные трансформации в структуре предложения – см. подробнее краткий очерк раннего генеративного синтаксиса и его истории в [Тестелец 2001: 502–552].

довательно, организована как особая структура одного предложения (так мы выше и определяем неформально сериальную конструкцию).

Все более поздние анализы синтаксической структуры предложения с сериальной конструкцией, таким образом, интерпретируют это предложение как содержащее единственную предикацию. Самый ранний по времени «плоский» анализ (i), предложенный в [Schachter 1974], состоит в том, что сериальная конструкция описывается как множество глагольных групп, на равных основаниях входящих в предложение и не образующих единую составляющую.

$$(i) \quad S \rightarrow NP \text{ AUX } VP \text{ VP}^* [\text{Schachter 1974: 257}]^4$$

В более поздних работах всегда предполагается, что сериальная конструкция представляет собой единую синтаксическую составляющую – глагольную группу особой структуры. Предлагались два принципиально отличающихся друг от друга варианта организации такой структуры.

Анализ с объединением глагольных групп в глагольную группу состоит в том, что каждый из глаголов, входящих в сериальную конструкцию, является вершиной собственной составляющей. Все такие составляющие на равных структурных правах объединяются в единую составляющую. В «наивном» варианте такого анализа (ii), предложенным в [Агбоджо 1986], составляющая, возглавляемая каждым отдельным глаголом, определяется как глагольная группа, а составляющая более верхнего уровня получает условное наименование Praed – «предикат». Анализ, предложенный в [Agbedor 1994] (iii), выполнен в соответствии с принятой в генеративной теории нотацией: составляющая при каждой глагольной вершине характеризуется как первая проекция этой вершины V', тогда как только общая предикатная составляющая определяется как полная глагольная группа. Различия в нотации имеют, однако, на наш взгляд, технический характер и сопряжены с более общими теоретическими установками авторов.

$$(ii) \quad [N [[V]_{VP} [V \text{ NP}]_{VP} [V \text{ NP}]_{VP}]_{PRAED} S$$

$$(iii) \quad [NP [[V1 \text{ NP1}]_{V'} [V2 \text{ NP2}]_{V'}]_{VP} S$$

Анализ с включением одной глагольной группы в другую предполагает, что составляющая, вершиной которой является более правый глагол в сериальной конструкции, вложена в составляющую, вершиной которой является более левый глагол, и, таким образом, имеет отношение синтаксической зависимости от левого глагола к правому. Наибольшее распространение получил анализ сериализации с включением одной глагольной группы в другую, предложенный в [Baker 1989] (iv).

$$(iv) \quad [NP [[[V \text{ NP} [V]_{V'}]_{V'}]_{V'}]_{VP} S$$

Устоявшейся общепринятой точки зрения на то, соответствует действительности анализ с объединением глагольных групп (ii)–(iii) или анализ с включением одной глагольной группы в другую (iv), на данный момент нет⁵. Для наших целей, однако, существенно отметить те их общие свойства, которые можно считать устоявшимися представлениями о синтаксической организации сериальной конструкции. Во-первых, сериальная конструкция не предполагает полной структуры предикации для каждого из

⁴ Символ * обозначает здесь, в соответствии с общепринятой нотацией «регулярных выражений», присутствие элемента любое количество раз от 0 до бесконечности. Это означает, что, согласно (i), предложение может содержать единственную глагольную группу, а может содержать две и более; последний случай соответствует сериальной конструкции.

⁵ Заметим, что, строго говоря, вполне возможно, что одни сериальные конструкции адекватно описываются одним из двух указанных способов, а другие – другим.

входящих в него глаголов. В частности, вся сериальная конструкция имеет единственное общее подлежащее, а собственного подлежащего при каждом из глаголов сериальной конструкции нет. Во-вторых, вся сериальная конструкция образует единую синтаксическую составляющую, в которую входят все глаголы, входящие в сериальную конструкцию, и, естественно, «индивидуальные» зависимые каждого из них; эта составляющая по своим дистрибутивным свойствам является глагольной группой. Один из главных аргументов в пользу последнего утверждения состоит в том, что отдельный глагол, входящий в сериальную конструкцию, не способен иметь независимое глагольное отрицание, а подвергаться отрицанию может только глагольная группа в целом. Особенно сильным этот аргумент, как показано в [Плунгян 1988: 106], является для эве, где показатель глагольного отрицания *те...о* состоит из двух частей и «обнимает» глагольную группу. Сериальная конструкция может быть линейно вложена в данный показатель целиком (8а), но абсолютно неприемлемы сконструированные предложения, где показатель отрицания сочетается только с одним из глаголов в сериальной конструкции (8б–с). В акан показатель глагольного отрицания *-т-* является морфологическим и в сериальной конструкции присоединяется к каждому из глаголов (9а). Однако предложения (9б–с), эквивалентные (8б–с), где этот показатель употреблен только с одним из глаголов в сериальной конструкции, также полностью отвергаются носителями⁶:

(8) а. *kofi me fle agbalẽ na ama o* ЭВЕ
Кофи NEG покупать бумага давать Ама NEG
'Кофи не купил Аме книгу'.

б. **kofi fle agbalẽ me na ama o*
Кофи покупать бумага NEG давать Ама NEG

с. **kofi me fle agbalẽ o na ama*
Кофи NEG покупать бумага NEG давать Ама

(9) а. *kofi a-m-tɔ bukuu a-m-ma ama* АКАН
Кофи PST-NEG-покупать книга PST-NEG-давать Ама
'Кофи не купил Аме книгу'.

б. **kofi tɔ-ɔ bukuu a-m-ma ama*
Кофи покупать-PST книга PST-NEG-давать Ама

с. **kofi a-m-tɔ bukuu ma-a ama*
Кофи PST-NEG-покупать книга давать-PST Ама

2. РЕФЛЕКСИВНЫЕ МАРКЕРЫ В ЯЗЫКАХ КВА

Обратимся теперь к общим свойствам рефлексивных маркеров в языках ква. Эти маркеры состоят из посессивного лично-числового показателя и собственно рефлексивного показателя. В языке эве два рефлексивных маркера: *-ɖokui* и *-ntɔ*, которые мы здесь обозначаем соответственно как REFL1 и REFL2; различия в их дистрибуции минимальны, хотя, как мы покажем ниже, имеют определенное значение для рассматриваемой нами темы. В языке акан имеется единственный рефлексивный маркер *hɔ*. Все три

⁶ Важно отметить, что при этом наиболее естественные ожидаемые переводы (8б) и (9б) 'Кофи купил книгу не Аме (а кому-то еще)' и (8с) и (9с) 'Кофи Аме книгу не купил (а украл)' вовсе не кажутся непредставимыми прагматически. Интересно, что единственной реакцией информантов обоих языков на контексты такого рода являются предложения (8а) и (9а), имеющие более общее значение.

местоимения имеют два устойчивых синтаксических свойства: ориентированность на подлежащее и относительная локальность.

Ориентированность на подлежащее проявляется в том, что антецедентом рефлексивного местоимения является подлежащее, а не произвольная именная группа. Так, местоимение эве *-ɖokuɪ* в (10a), местоимение эве *-ntɔ* в (10b), как и местоимение акан *hɔ* в (11) допускают кореферентность только подлежащему, а не посессивной именной группе, несмотря на то, что в последнем случае интерпретация была бы прагматически более естественной:

(10) a. *kofi_i nɔvi-a_j ʃo e-ɖokuɪ_{j,*i}* ЭВЕ
 Кофи сиблинг-DEF бить 3SG-REFL1
 ‘Брат_i Кофи_j ударил самого себя_i/*его_j’.

b. *kofi_i nɔvi-a_j ʃo e-ntɔ_{j,*i}*
 Кофи сиблинг-DEF бить 3SG-REFL2
 ‘Брат_i Кофи_j ударил самого себя_i/*его_j’.

(11) *ama_i okunu_j bɔ-ɔ ne hɔ_{j,*i}* АКАН
 Ама муж бить-PST 3SG REFL
 ‘Муж_i Ама_j побил самого себя_j/*ее_i’.

В эве ориентированность рефлексивного местоимения на подлежащее имеет неглобальный характер, потому что в позиции одного из двух объектов битранзитивного глагола оно допускает кореферентность другому объекту, как в (12), где местоимение *-ɖokuɪ* может соотноситься и с подлежащим *kofi*, и с дополнением *ama*. Рефлексивное местоимение акан и в аналогичном контексте сохраняет однозначную кореферентность подлежащему, ср. (13):

(12) *kofi_i fia ama_j e-ɖokuɪ_j le aʃuʃiɛ me* ЭВЕ
 Кофи показывать Ама 3SG-REFL в зеркало внутренняя.часть
 ‘Кофи_i показал Аме_j себя_j/ее саму_j в зеркале’.

(13) *kofi_i kyegɛ-ɛ ama_j ne hɔ_{i,*j}* АКАН
 Кофи показывать-PST Ама 3SG REFL
 ‘Кофи_i показал Аме_j себя самого_i/*ее саму_j’.

Факты обоих языков, связанные с сериальными конструкциями и частично противоречащие ориентированности рефлексивного местоимения на подлежащее, рассматриваются также ниже, см. примеры (56)–(57).

Относительная локальность рассматриваемых рефлексивных местоимений состоит в том, что их антецедентом может быть только подлежащее той же предикации, в которой находится местоимение. Если в сложноподчиненной полипредикативной конструкции рефлексивное местоимение находится в зависимой предикации, то допустима его кореферентность подлежащему этой предикации, но не подлежащему главной предикации. Для акан этот факт был подробно показан в посвященных рефлексиву работах [Saah 1989; Osam 2002]; нам неизвестны работы, где данное свойство рефлексивных местоимений обсуждается для эве, однако оно описано в [Lefebvre, Brusseau 2002] для близкородственного эве языка фон, ср. пример (14) из фон, устроенный аналогично примеру (16) из эве и примеру (18) из акан. Пример (15a) для эве и пример (17a) для акан показывают, что с подлежащим главной предикации естественно соотносится обычный объектный маркер 3 л.; постановка в аналогичный контекст рефлексивного маркера дает неграмматичное предложение (15b), (17b). Если и подлежащее главной, и подлежащее зависимой предикации прагматически являются равно естественными антецедентами,

то грамматически в обоих языках приемлема только кореферентность рефлексивного маркера подлежащему той же предикации (16), (18):

(14) kəku_i lin dɔ asiba_j gble wu e-dɛɛ_{j,*i} ФОН
 Коку думать SUB Асиба ранить тело 3SG-REFL
 ‘Коку_i думает, что Асиба_j поранила себя_j/*его_i’ [Lefebvre, Brusseau 2002: 75].

(15) a. kofi_i bia ama be wo-na-e_i nu dɔdɔ ЭВЕ
 Кофи просить Ама SUB 3SG-давать-3SG вещь есть_{RED}
 ‘Кофи_i попросил Аму дать ему_i еды’.

b. *kofi_i bia ama be wo-na e-ntɔ_i/ e-dɔkui_i nu dɔdɔ
 Кофи просить Ама SUB 3SG-давать 3SG-REFL1 3SG-REFL2 вещь есть_{RED}

(16) a. ama_i nya be kofi_j lɔ e-dɔkui_{j,*i} ЭВЕ
 Ама знать SUB Кофи любить 3SG-REFL1
 ‘Ама_i знает, что Кофи_j любит самого себя_j/*ее_i’.

b. ama_i nya be kofi_j lɔ e-ntɔ_{j,*i}
 Ама знать SUB Кофи любить 3SG-REFL2
 ‘Ама_i знает, что Кофи_j любит самого себя_j/*ее_i’.

(17) a. kofi_i bisa-a ama sɛ ɔ-ma no_i aduane АКАН
 Кофи просить-PST Ама SUB 3SG-давать 3SG еда
 ‘Кофи_i попросил Аму дать ему_i еды’.

b. *kofi_i bisa-a ama sɛ ɔ-ma ne ho_i aduane
 Кофи просить-PST Ама SUB 3SG-давать 3SG REFL еда

(18) ama_i a-hu sɛ kofi_j dɔ ne ho_{j,*i} АКАН
 Ама PFCT-видеть что Кофи любить 3SG REFL
 ‘Ама_i увидела, что Кофи_j любит самого себя_j/*ее_i’.

Предложения (14)–(18) иллюстрируют употребление рефлексивного маркера в сложных предложениях с финитными зависимыми предикациями; такой способ образования полипредикативной конструкции является в рассматриваемых языках доминирующим. В языке эве, однако, представлены маргинальные сложные предложения, построенные по нефинитной стратегии, в которых вершиной зависимой предикации является номинализация, ср. (19). В (19) мы видим соблюдение тех же ограничений, что и в (14)–(18): рефлексивное местоимение может быть кореферентно только субъекту зависимой, но не главной предикации:

(19) ama_i nya kofi-fe_j e-dɔkui_{j,*i} fofo ЭВЕ
 Ама знать Кофи-POSS 3SG-REFL ударять_{RED}
 ‘Ама_i знает, что Кофи_j ударил самого себя_j/*ее_i’.

В акан есть два специфических случая, которые внешне выглядят как контрпримеры к утверждению о том, что рефлексивный маркер локален и, находясь в зависимой предикации, не может соотноситься с подлежащим главной; однако в действительности эти случаи контрпримерами не являются. Первый из этих случаев, проиллюстрированный примером (20), связан с тем, что рефлексивный маркер *ho* этимологически связан со словом *ho* ‘тело’, которое продолжает использоваться. Если существительное *ho* ‘тело’ имеет посессивный показатель 3 л., кореферентный подлежащему главной предикации,

то в целом предложение оказывается близким к «искомой» конструкции, в которой *hɔ* соотносилось бы с подлежащим за пределами своей предикации. Семантика (20), однако, ясно показывает, что в этом случае *hɔ* имеет конкретное лексическое значение ‘тело’ и не является рефлексивным местоимением. Второй случай, проиллюстрированный (21), связан с тем, что ряд глаголов управляют послелогом *hɔ*, омонимичным рефлексивному маркеру, но также этимологически связанным со словом *hɔ* ‘тело’. Конструкции с данным послелогом имеют ту специфику, что в принципе не сочетаются с рефлексивным маркером (21c); потому в них при любой кореферентности в 3 л. употребляется только маркер 3 л., который, таким образом, может соотноситься и с подлежащим зависимой предикации, и с подлежащим главной предикации, и с антецедентом за пределами своего предложения. Внешне притом вся послеложная группа тождественна рефлексивному маркеру, ср. (21a–b).

(20) *kofi_i pɛ sɛ ama_j hwɛ ne_i hɔ* АКАН
 Кофи хотеть.PRES SUB Ама смотреть 3SG тело
 ‘Кофи_i хочет, чтобы Ама посмотрела на его_i (обнаженное) тело/*на него_i’
 [Saah 1989: 18].

(21) a. *kofi_i pɛ sɛ ama_j dwene ne_{i,j,k} hɔ* АКАН
 Кофи хотеть.PRES SUB Ама думать.PRES 3SG о
 ‘Кофи_i хочет, чтобы Ама_j подумала о себе_j/о нем_{i,k}’ [Saah 1989: 19–20].

b. *kwame_i re-dwene ne_{i,j} hɔ*
 Кваме PROGR-думать 3SG о
 ‘Кваме_i думает о себе_i/о нем_j’ [Saah 1989: 21].

c. **kofi re-dwene ne hɔ hɔ*
 Кофи PROGR-думать 3SG REFL о

Охарактеризуем теперь кратко употребление рефлексивного маркера в синтаксических позициях, не связанных с сериальными конструкциями: несмотря на то, что сериальные конструкции занимают очень большое место в организации синтаксиса языков ква, синтаксические позиции, не вовлеченные в сериализацию, разумеется, также существуют. В них всех (кроме посессивной конструкции) допускается рефлексивный маркер⁷.

Наиболее типичным для рефлексивного маркера является употребление в синтаксической позиции **прямого дополнения**. В (23) для эве и в (26) для акан представлено медиальное прямое дополнение глагола с «низкой различимостью участников» (в смысле [Kemmer 1993]) – глагола ухода за телом *kɔ* ‘мыть(ся)’ эве и глагола изменения позиции *dan* ‘поворачиваться’ акан. У таких глаголов при референциальном совпадении участника, выраженного подлежащим, и участника, выраженного прямым дополнением, эти два участника слабо семантически противопоставлены друг другу; тем не менее, для многих глаголов такого типа референциальный маркер в рассматриваемых языках является единственным средством маркирования такого референциального тождества. В прочих примерах субъектный и объектный участники ясно семантически противопоставляются друг другу, несмотря на то, что в данном частном случае «физически» ими является одно и то же лицо. В (24) для эве и (27) для акан объектный участник, выраженный рефлексивным маркером, имеет семантическую роль Пациенса при агентивном глаголе, а в (25) эве и (28) акан – семантическую роль Стимула при экспериенциаль-

⁷ Естественно, поскольку контролером рефлексива является подлежащая именная группа, рефлексив не может занимать синтаксическую позицию подлежащего.

ном глаголе (позиция прямого дополнения при глаголах этих двух ролевых типов считается «прототипической» для рефлексива – см. [Лютикова 2002: 94]):

- (23) kofi_i klɔ e-ɖokui_i/ e-ntɔ_i⁸ ЭВЕ
 Кофи мыть 3SG-REFL1 3SG-REFL2
 ‘Кофи_i помылся_i’.
- (24) kofi_i fo e-ntɔ_i/ e-ɖokui_i ЭВЕ
 Кофи ударять 3G-REFL2 3G-REFL1
 ‘Кофи_i ударил самого себя_i’.
- (25) kofi_i lɔ e-ɖokui_i/ e-ntɔ_i ЭВЕ
 Кофи любить 3G-REFL1 3G-REFL2
 ‘Кофи_i любит самого себя_i’.
- (26) kofi_i a-dan ne hɔ_i АКАН
 Кофи PFCT-поворачивать 3SG REFL
 ‘Кофи_i повернулся_i’.
- (27) kofi_i bɔ-ɔ ne hɔ_i АКАН
 Кофи бить-PST 3SG REFL
 ‘Кофи_i побил самого себя_i’.
- (28) kofi_i dɔ ne hɔ_i АКАН
 Кофи любить 3SG REFL
 ‘Кофи_i любит самого себя_i’.

Идентификация позиции беспредложного **косвенного дополнения** в сериализующих языках рассматриваемого типа крайне затруднена. Прежде всего, заметим, что трехвалентных глаголов, имеющих и прямое, и косвенное дополнение в эве, акан и близкородственных им языках крайне мало, потому что основную нагрузку по оформлению дативного актанта берут на себя бенефактивные сериальные конструкции (см. примеры (45) и (49)–(50) ниже). В языке эве, как показано в [Essegbey 1999: 147], трехместных глаголов выделяется три, в акан этот класс заметно больше, но все равно крайне невелик. Применительно же к указанным закрытым классам битранзитивных глаголов дифференциация синтаксических позиций двух объектов представляет собой в языках ква сложную синтаксическую проблему, см. о ней специальную публикацию [Шлуинский, в печ.]. Не углубляясь в иерархические отношения между объектными именными группами, укажем здесь, что обе они представляют собой естественные позиции для рефлексивного местоимения. Кореферентность подлежащего и рефлексива в позиции пациентивного объекта битранзитивного глагола была показана для обоих языков выше в примерах (12)–(13). В тех случаях, когда естественно прагматически референциальное тождество дативного участника субъектному, употребление рефлексивного маркера в позиции бенефактивной объект-

⁸ Предпочтительность одного рефлексивного маркера другому в позиции прямого дополнения в языке эве определяется лексически, и ее адекватное описание требует специального исследования классификации глагольной лексики. Здесь мы мнемонически приводим более предпочтительный вариант первым, а менее предпочтительный – вторым. Существенно, однако, что оба местоимения признаются носителем допустимыми в эве в тех синтаксических позициях, для которых специально не оговаривается обратное.

ной именной группы также допускается в обоих языках, ср. примеры (29) эве и (30) акан:

(29) kofi_i na e-ntɔ_i/ e-ɖokui_i agbalẽ-a ЭВЕ
Кофи давать 3SG-REFL2 3SG-REFL1 книга-DEF
'Кофи_i подарил книгу самому себе_i'.

(30) kofi_i kyerew-w ne hɔ_i krataa АКАН
Кофи писать-PST 3SG REFL бумага
'Кофи_i написал себе_i письмо'.

Более периферийной является синтаксическая позиция именной группы внутри **предложной/послеложной/предложно-послеложной группы** (мы не разделяем здесь рефлексивный маркер, непосредственно образующий именную группу, зависящую от предлога или послелого, и рефлексивный маркер, расположенный внутри такой именной группы). Синтаксической вершиной предложных групп являются предлоги, которые, как мы говорили выше (см. примеры (5)–(7)) происходят из глаголов в сильно грамматикализованной сериальной конструкции, ср. (31) для акан и (32) для эве. Послеложную группу возглавляют послелог, этимологически являющиеся существительными, ср. (33) для акан и (34) для эве. В языке эве широко распространены также предложно-послеложные группы⁹, совмещающие предлог (этимологически глагол) и послелог (этимологически существительное), как в (35). Рефлексивные маркеры допускаются, если соответствующий контекст приемлем прагматически, внутри предложных и послеложных групп всех описанных типов:

(31) kofi_i hu-u entontom wɔ ne hɔ_i АКАН
Кофи видеть-PST комар быть/в 3SG REFL
'Кофи_i видел комара на себе_i'.

(32) kofi_i lã elã kple e-ntɔ-ɖe_i ehɛ ЭВЕ
Кофи резать мясо с 3SG-REFL2-POSS нож
'Кофи_i порезал мясо своим_i ножом'.

(33) kofi_i ka-a ne hɔ_i asɛm АКАН
Кофи говорить-PST 3SG REFL речь/o
'Кофи_i говорил о себе_i'.

(34) kofi_i yɪ e-ntɔ-ɖe_i aɖe me ЭВЕ
Кофи идти 3SG-REFL-POSS дом внутренняя.часть/в
'Кофи_i ушел к себе_i домой [= в свой дом]'.

(35) kofi_i dako kple e-nɔvi-a le e-ɖokui_i/ e-ntɔ_i ta ЭВЕ
Кофи ссориться с 3SG-сиблинг-DEF быть/в 3SG-REFL1 3SG-REFL2 голова/на
'Кофи_i поссорился с братом из-за самого себя_i'.

Единственным типом составляющей простого предложения, в которой употребление рефлексивных маркеров в рассматриваемых языках не свободно, является **посессивная**

⁹ С точки зрения структуры составляющих, по-видимому, в этих случаях послеложная группа входит в предложную, т. к. этимологически существительное-послелог зависит от глагола-предлога, а не наоборот. Тем не менее, синтаксическая организация предложно-послеложных групп такого типа пока исследована мало.

конструкция¹⁰. Если в синтаксических позициях, описанных выше, все рефлексивы всегда допустимы, то их дистрибуция в посессивной конструкции крайне прихотлива, как и соотношение с простыми притяжательными местоимениями 3 лица. Притяжательные местоимения могут иметь рефлексивную интерпретацию (то есть иметь в качестве антецедента подлежащее) во всех контекстах посессивных контекстах, ср. (36a), (37a) эве, (38a), (39a) акан. В языке эве два рефлексивных местоимения противопоставлены друг другу в том, что *-ɖokui* не может употребляться в посессивном контексте (36c), (37c), тогда как рефлексивное местоимение *-ntɔ*, напротив, свободно в нем употребляется (36b), (37b). В языке акан рефлексивное местоимение допускается в контексте отдельных существительных, ср. неприемлемое предложение (38b) и допустимое (39b):

(36) a. kofi_i fo e_i-srɔ̃-a ЭВЕ
Кофи бить 3SG-супруг-DEF
'Кофи_i ударил свою_i жену'.

b. kofi_i fo e-ntɔ_i srɔ̃-a
Кофи бить 3SG-REFL2 супруг-DEF
'Кофи_i ударил свою_i жену'.

c. *kofi fo e-ɖokui srɔ̃-a
Кофи бить 3SG-REFL1 супруг-DEF

(37) a. kofi_i ko e_i-ɖa ЭВЕ
Кофи обнажать 3SG-волосы
'Кофи_i причесался_i'.

b. kofi_i ko e-ntɔ̃-je_i ɖa
Кофи обнажать 3SG-REFL2-POSS волосы
'Кофи_i причесался_i'.

c. *kofi ko e-ɖokui-je ɖa
Кофи обнажать 3SG-REFL1-POSS волосы

(38) a. kofi_i bɔ-ɔ ne_i yere АКАН
Кофи бить-PST 3SG жена
'Кофи_i побил свою_i жену'.

b. *kofi bɔ-ɔ ne hɔ yere
Кофи бить-PST 3SG REFL жена

(39) a. kofi_i nunu-u ne_i nhwi АКАН
Кофи чесать-PST 3SG волосы
'Кофи_i причесался_i [= причесал свои волосы]'.

b. ^{OK}kofi_i nunu-u ne hɔ_i nhwi
Кофи чесать-PST 3SG REFL волосы
'Кофи_i причесался_i [= причесал свои волосы]'.

Оговорим, однако, что поведение рефлексивного маркера в посессивной конструкции представляет собой независимую от наших целей проблему, не вполне исследован-

¹⁰ Мы рассматриваем здесь позицию посессора в группах ядерных актантов, потому что позиция посессора в периферийных именных группах будет заведомо более маргинальной.

ную как в обсуждаемых языках, так и в типологическом плане¹¹. Особый статус этой синтаксической позиции дает возможность оставить ее в стороне.

Итак, рефлексивные маркеры в эве и в акан всегда могут быть кореферентны подлежащему собственной предикации, причем, за исключением случаев кореферентности между объектными именными группами битранзитивного глагола, кореферентность подлежащему является единственно возможной. Все рассматриваемые рефлексивные маркеры свободно употребляются в основных трех «несериальных» синтаксических позициях внутри простого предложения: в позиции прямого дополнения, в позиции косвенного дополнения и в предложной/последоженной группе. Обратимся теперь к использованию рефлексива в сериальной конструкции.

3. ПОЗИЦИИ РЕФЛЕКСИВА В СЕРИАЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ

Как мы сказали вначале, употребление рефлексива в «типичных» сериальных конструкциях, представленных в языках ква, как это ни парадоксально, почти не обсуждалось в литературе. Поведение рефлексивного маркера в бивербальных конструкциях других типов лишь частично обсуждается в [Law, Veenstra 1992] и [Гращенкова 2006] на материале креольского языка сранан и карачаево-балкарского языка соответственно, однако и в этих работах эта тема не находится в центре внимания. В статье [Lawal 1993] кратко обсуждается употребление рефлексивного маркера в сериальных конструкциях языка йоруба, ареально и типологически близкого к языкам, обсуждаемым в настоящей работе; С. Лаваль, однако, фактически ограничивается констатацией того факта, что рефлексивные маркеры в йоруба в принципе допустимы в сериальных конструкциях.

Повторим, что сериализация глаголов «порождает» набор потенциальных синтаксических контекстов для рефлексивного маркера, которые отсутствуют в тех языках, на которых ранее в основном была ориентирована типология рефлексива. Прежде всего, однако, следует дать краткую характеристику этим контекстам. Как правило, в сериальной конструкции один из глагольных маркеров имеет большую степень грамматикализации и десемантизации, чем другой (как правило, семантически полноценный). Поэтому, во-первых, необходимо отдельное рассмотрение позиции зависимого «левого» (т.е. линейно ближайшего к подлежащему) и «правого» (т.е. линейно отделенного от подлежащего полноценным лексическим глаголом) десемантизированного глагола. Во-вторых, для зависимых семантически полноценных глаголов также существенна «левая» и «правая» позиция этих глаголов в сериальной конструкции, потому что «правый» семантически полноценный глагол, в отличие от «левого», отделен от подлежащего десемантизированным глаголом и его зависимыми. Это простое исчисление позволяет говорить о четырех различных синтаксических позициях именных групп в сериальной конструкции: 1) именная группа, зависимая от «левого» семантически полноценного глагола; 2) именная группа, зависимая от «левого» семантически редуцированного глагола; 3) именная группа, зависимая от «правого» семантически полноценного глагола; 4) именная группа, зависимая от «правого» семантически полноценного глагола. Наконец, особого рассмотрения требуют каузативные сериальные конструкции; формально эти сериальные конструкции могут быть описаны в рамках этого исчисления как конструкции с «правым» семантически полноценным глаголом, но, во-первых, в силу их особых свойств, употребление рефлексивного маркера в них требует отдельного описания, а во-вторых, как будет показано ниже, такие конструкции и сами по себе не образуют единого класса.

Позиция **зависимого «левого» семантически полноценного глагола** в сериальной конструкции является для рефлексивного маркера наиболее тривиальной. По-видимому,

¹¹ Приведем для простоты пример из английского языка, показывающий, что употребление рефлексива в посессивной конструкции невозможно, и русский пример, где, напротив, в посессивном контексте допустим только рефлексивный маркер: *John_i loves his_i wife/*himself's wife!*^{2??} *the wife of himself_i – Иван_i любит свою_i жену/его_j*_i жену.*

рефлексив употребляется здесь на тех же основаниях, что и в обычной позиции прямого дополнения, описанной выше. Пример (40) иллюстрирует употребление рефлексивного маркера в языке эве непосредственно в позиции прямого дополнения «левого» семантически полноценного глагола, сопровождающегося «правым» глаголом *vɔ* ‘заканчивать’, имеющим определенную степень семантической редукции. Пример (41), также из эве¹², показывает употребление рефлексивного маркера внутри объектной именной группы при «левом» семантически полноценном глаголе (в данном случае перед нами редкий пример сериальной конструкции, в которой «правый» глагол притом также является семантически полноценным):

(40) *kofi_i klɔ e-ntɔ_i/ e-ɖokui_i vɔ* ЭВЕ
 Кофи мыть 3SG-REFL2 3SG-REFL1 заканчивать
 ‘Кофи_i закончил мыться_i’.

(41) *kofi_i ʃle e-ntɔ-ʃe_i elã ɖu* ЭВЕ
 Кофи покупать 3SG-REFL1-POSS мясо есть
 ‘Кофи_i купил себе_i [= свое] мясо и съел’.

Позиция **зависимого «левого» семантически редуцированного глагола**, в принципе, представляет особый интерес в связи с тем, что если рассматривать семантически редуцированный глагол как полноценную глагольную единицу, то позиция его зависимого – это позиция прямого дополнения или зависимого прямого дополнения, аналогичная рассмотренной выше; если же семантически редуцированный глагол существенно теряет свои глагольные функции, то позиция его зависимого – это позиция периферийной именной группы, аналогичная именной группе внутри предложной или послеложной группы. Тем не менее, поскольку в позициях обоих типов рефлексивные маркеры употребляются в рассматриваемых языках свободно, употребление их при «левом» семантически редуцированном глаголе никак не характеризует статус этого глагола. Отметим только тот факт, что употребления такого рода допустимы для рефлексивных местоимений обоих языков. (42) показывает рефлексив в объектной позиции при «левом» семантически редуцированном глаголе в акан, а (43) – оба рефлексива в эве. Пример (44) эве показывает использование рефлексивного маркера внутри такой объектной именной группы:

(42) *kofi_i de ne hɔ_i kyɛɛ-ɛ ama* АКАН
 Кофи брат 3SG REFL показывать-PST Ама
 ‘Кофи_i показал Аме самого себя_i’.

(43) *kofi_i ko e-ntɔ_i/ e-ɖokui_i ʃia ama* ЭВЕ
 Кофи брат 3SG-REFL2 3SG-REFL1 показывать Ама
 ‘Кофи_i показал Аме самого себя_i’.

(44) *kofi_i tsɔ e-ntɔ-ʃe_i ehɛ wu ama* ЭВЕ
 Кофи брат 3SG-REFL1-POSS нож убивать Ама
 ‘Кофи_i взял свой_i нож и убил Аму’/‘Кофи_i убил Аму своим_i ножом’.

¹² Для акан не удалось обнаружить удачного контекста для рефлексива в позиции зависимого «левого» глагола в сериальной конструкции, так чтобы этот глагол был семантически полноценным. Однако, поскольку, как мы уже сказали, употребление рефлексива в этой позиции наиболее тривиально, отсутствие такого материала вряд ли должно влиять на общие выводы.

Наибольший интерес, однако, представляет употребление рефлексива в позиции зависимого «правого» глагола: в этом случае рефлексивный маркер отделен от подлежащего «левым» глаголом и его зависимыми, и именно этот случай является наиболее специфически характерным для синтаксиса сериальных конструкций и отсутствует в не-сериальных языках.

Будучи зависимым **семантически редуцированного «правого» глагола** (функционально такой глагол выполняет роль маркера косвенного дополнения), рефлексивные маркеры в обоих языках употребляются свободно. В примерах (45) эве и (49)–(50) акан рефлексивный маркер семантически является третьим актантом «левого» глагола и вводится наиболее типичным (и наиболее семантически редуцированным) глаголом со значением ‘давать’. Пример (46) отличается тем, что при помощи того же «правого» глагола вводится второй, а не третий актант «левого», не имеющего в этом случае собственного прямого дополнения. Предложения (47)–(48) иллюстрируют употребление рефлексивного местоимения в позиции зависимого других «правых» семантически редуцированных глаголов:

(45) kofi_i ʃle agbalẽ na e-ɖokui_i/ e-ntɔ_i ЭВЕ
Кофи покупать бумага давать 3SG-REFL1 3SG-REFL2
‘Кофи_i купил себе_i книгу’.

(46) kofi_i vɔ̃ na e-ɖokui_i/ e-ntɔ_i ЭВЕ
Кофи бояться давать 3SG-REFL1 3SG-REFL2
‘Кофи_i боится самого себя_i’.

(47) kofi_i ɖo agbalẽ ɖe e-ɖokui_i/ e-ntɔ_i ЭВЕ
Кофи готовить бумага попадать 3SG-REFL1 3SG-REFL2
‘Кофи_i послал письмо самому себе_i’.

(48) kofi_i bia ama tso e-ɖokui_i/ e-ntɔ_i ЭВЕ
Кофи спрашивать Ама приходить.из 3SG-REFL1 3SG-REFL2
‘Кофи_i спросил Аму о себе_i’.

(49) kofi_i tɔ-ɔ bukuu ma-a ne hɔ_i АКАН
Кофи покупать-PST книга давать-PST 3SG REFL
‘Кофи_i купил себе_i книгу’.

(50) kofi_i kyegw-w krataa ma-a ne hɔ_i АКАН
Кофи писать-PST бумага давать-PST 3SG REFL
‘Кофи_i написал письмо самому себе_i’.

В синтаксической позиции **зависимого «правого» семантически полноценного глагола** допустимость рефлексивного маркера зависит от того, о какой именно позиции внутри группы «правого» глагола идет речь. Все рефлексивные местоимения свободно допускаются в позиции прямого дополнения «правого» семантически полноценного глагола – ср. примеры (51) эве и (54) акан. Для рефлексива *-ntɔ* в эве, допускающегося в целом внутри именной группы (см. пример (37b)), возможно и употребление в позиции именной группы, зависимой от прямого дополнения «правого» глагола, ср. (52). Однако в позиции более глубокого зависимого «правого» семантически полноценного глагола в сериальной конструкции – внутри зависимой от него послеложной группы – допускается только один из рефлексивных маркеров языка эве. Так, в эве приемлемо предложение (53a) с местоимением *-ɖokui* в указанной позиции, но неграмматично аналогичное предложение (54b) с *-ntɔ*. В акан предложение (55b) с рефлексивным местоимением в такой позиции также неграмматично – в соответствующем контексте возможно лишь

предложение (55a) с обычным местоимением 3 л., которое может быть кореферентно подлежащему или иметь иной референт:

(51) kofi_i tsɔ ehe wu e-ɖokui_i/ e-ntɔ_i ЭВЕ
 Кофи братъ нож убивать 3SG-REFL1 3SG-REFL2
 ‘Кофи_i взял нож и убил себя_i’/‘Кофи_i убил себя_i ножом’.

(52) kofi_i ko ama fia e-ntɔ-ʃe_i nɔvi-a ЭВЕ
 Кофи братъ Ама показывать 3SG-REFL2-POSS сиблинг-DEF
 ‘Кофи_i показал Аму своему_i брату’.

(53) a. kofi_i ko karo-a da e-ɖokui_i gbɔ ЭВЕ
 Кофи братъ чашка-DEF ставить 3SG-REFL1 рядом
 ‘Кофи_i поставил чашку рядом с собой_i’.

b. *kofi ko karo-a da e-ntɔ gbɔ
 Кофи братъ чашка-DEF ставить 3SG-REFL2 рядом

(54) kofi_i de sekan twa-a ne hɔ_i АКАН
 Кофи братъ нож резать-PST 3SG REFL
 ‘Кофи_i взял нож и порезал себя_i’/‘Кофи_i порезал себя_i ножом’ [Saah 1989: 16].

(55) a. kofi_i de kɔpoo desi ne_{i,j} nkyɛn АКАН
 Кофи братъ чашка ставить 3SG рядом
 ‘Кофи_i поставил чашку рядом с собой_i/с ним_j’.

b. *kofi de kɔpoo desi ne hɔ nkyɛn
 Кофи братъ чашка ставить 3SG REFL рядом

Сериальные конструкции такого типа, однако, демонстрируют еще один случай кореферентности рефлексивного маркера, представляющий особый теоретический интерес. Если с семантической точки зрения возможна кореферентность между объектом «левого» глагола в сериальной конструкции и объектом «правого» глагола, то рефлексивное местоимение в позиции зависимого «правого» глагола свободно соотносится с объектом «левого». В языке акан кореферентность рефлексива такому объекту и подлежащему равно возможны, ср. (56). В эве объект «левого» глагола имеет в таких случаях приоритет перед подлежащим, и анафорическая связь между рефлексивом и подлежащим находится на грани приемлемости, ср. (57):

(56) kofi_i de ama_j kyɛɛ-ɛ ne hɔ_{i,j} АКАН
 Кофи братъ Ама показывать-PST 3SG REFL
 ‘Кофи_i показал Аме_j ее саму_j/себя самого_i’.

(57) kofi_i tsɔ ama_j fia e-ɖokui_{j,i} ЭВЕ
 Кофи братъ Ама показывать 3SG-REFL
 ‘Кофи_i показал Аме_j ее саму_j/себя самого_i’.

Примечательно, что именная группа, контролирующая рефлексив в (56)–(57), никак не может быть описана как субъектная: семантическим субъектом «правого» глагола, как и «левого» в данных конструкциях является подлежащее.

Наконец, как мы уже сказали, отдельно мы рассматриваем для рефлексивных местоимений позицию **зависимого «правого» глагола в каузативных сериальных конструкциях**. Но в силу того, что каузативные сериальные конструкции организованы сложным и

неоднозначным образом, а кроме того, их устройство в эве и в акан принципиально различно, несмотря на внешнее сходство, прежде следует остановиться на самих этих конструкциях.

Специфика каузативных конструкций состоит в том, что, в отличие от прочих сериальных конструкций, по крайней мере семантически они не односубъектны, потому что семантическим субъектом каузируемой ситуации, описываемой «правым» глаголом, является участник, соответствующий именной группе, линейно расположенной между двумя глаголами. Типичным примером каузативной сериальной конструкции является предложение (58) из эве:

(58) fofo-a na kofi fo ama ЭВЕ
старший.брат-DEF давать Кофи ударять Ама
'Брат позволил Кофи ударить Аму'.

Именная группа *kofi* в (54) принципиально может быть охарактеризована синтаксически либо как прямое дополнение глагола каузации *na*, либо как подлежащее смыслового глагола *fo*. Использование в аналогичном контексте не полных именных групп, а личных местоимений позволяет определить их синтаксическую позицию точно. В тви, диалекте акан, данными которого мы в основном здесь пользуемся, эта именная группа является прямым дополнением каузативного глагола, так как используется объектный местоименный показатель 3 л. *no*, а не субъектная клитика 3 л. *ɔ*¹³, ср. (59). При этом, по крайней мере при помощи ненулевых элементов, синтаксически субъект «правого» глагола остается невыраженным¹⁴.

(59) kofi ma-a no bo-ɔ ma АКАН
Кофи заставлять-PST 3SG бить-PST Ама
'Кофи заставил его ударить Аму'.

В эве, напротив, эта именная группа имеет статус подлежащего правого глагола, так как в данном контексте всегда используется местоимение 3 л. *wo*, употребляющееся только в субъектной позиции¹⁵, ср. (60):

(60) me-na wo tsɔ-e ЭВЕ
1SG-давать 3SG брат-3SG
'Я позволил ему взять это'.

Следует при этом подчеркнуть, что, несмотря на наличие отдельного синтаксического субъекта, каузативные конструкции в эве, проиллюстрированные в (58) и (60), сохраняют по крайней мере некоторые свойства сериальных конструкций. Так, как и более стандартные сериальные конструкции (см. приводившийся выше пример (8)), они име-

¹³ Примечательно, что в другом диалекте акан, фанте, данная именная группа является подлежащим при смысловом глаголе, так как в нем используется, напротив, субъектная клитика 3 л. *ɔ*, ср. работу [Osam 2003], где сопоставляются данные обоих диалектов, а также публикацию [Essilfie 1984] более широко о сериальных конструкциях в акан.

¹⁴ Строго говоря, именно контроль рефлексивного маркера со стороны прямого дополнения «левого» глагола, о котором мы скажем ниже, является аргументом в пользу наличия в каузативной конструкции собственного нулевого подлежащего, аналогичного PRO при инфинитиве в европейских языках. Тем не менее, этот вопрос требует специального исследования, тем более что объектный контроль рефлексива в каузативных конструкциях известен даже в случае морфологических каузативов, см., например [Letuchiy 2006: 428] для хакасского языка.

¹⁵ Основной местоименной клитикой 3 л. и для подлежащего, и для прямого дополнения в эве является местоимение *e*; тонкие правила дистрибуции более редкой клитики 3 л. *wo* описаны не полностью, но тот факт, что местоимение *wo* не допускается в позиции прямого дополнения, установлен надежно.

ют единое «опоясывающее» отрицание (61a); предложения (61b–c), где показатель отрицания сочетался бы только с группой одного из глаголов, образующих каузативную конструкцию, неграмматичны:

- (61) a. kofi me na e-nɔvi-a fo ama o ЭВЕ
 Кофи NEG давать 3SG-сиблинг-DEF ударять Ама NEG
 ‘Кофи не позволил брату ударить Аму’.
- b. *kofi me na o e-nɔvi-a fo ama
 Кофи NEG давать NEG 3SG-сиблинг-DEF ударять Ама
- c. *kofi na e-nɔvi-a me fo ama o
 Кофи давать 3SG-сиблинг-DEF NEG ударять Ама NEG

Наиболее естественным контролером рефлексива, зависящего от «правого» глагола в каузативных сериальных конструкциях обоих языков, является семантический субъект этого глагола. Для акан это прямое дополнение каузативного глагола, как в примере (62) акан; заметим, что в работе [Saah 1989: 23], откуда заимствован этот пример, делается утверждение о том, что такая кореферентность является для рефлексива в каузативной сериальной конструкции единственно возможной. Тем не менее, подлежащее также может маргинально контролировать рефлексив в указанной позиции. Так, в примере (63) акан рефлексивное местоимение *hɔ* может соотноситься как с дополнением левого глагола *ama*, так и с подлежащим *kofi*:

- (62) ɔ-ma-a kofi yere_j pira-a ne hɔ_j АКАН
 3SG-заставлять-PST Кофи жена ранить-PST 3SG REFL
 ‘Он заставил жену_i Кофи ранить себя_j’ [Saah 1989: 23].
- (63) kofi_i ma-a ama_j ka-a ne hɔ_{i,j} aɛm АКАН
 Кофи заставлять-PST Ама говорить-PST 3SG REFL o
 ‘Кофи_i заставил Аму_j рассказать о себе_{i,j}’.

В языке эве для обоих рефлексивных местоимений контроль со стороны семантического субъекта каузируемой ситуации – являющегося в данном случае подлежащим и синтаксически – обязателен. Так, и рефлексивное местоимение *-ɖokui* в (64a), и рефлексивное местоимение *-ntɔ* в (64b) может соотноситься только с субъектом каузируемой ситуации *kofi*, но не с субъектом каузации *fofoa*:

- (64) a. fofo-a_i na kofi_j fo e-ɖokui_{j,*i} ЭВЕ
 старший.брат-DEF давать Кофи ударять 3SG-REFL
 ‘Брат_i разрешил Кофи_j ударить самого себя_j/*его_i’.
- b. fofo-a_i na kofi_j fo e-ntɔ_{j,*i} ЭВЕ
 старший.брат-DEF давать Кофи ударять 3SG-REFL2
 ‘Брат_i разрешил Кофи_j ударить самого себя_j/*его_i’.

4. ИЕРАРХИЯ ПОЗИЦИЙ РЕФЛЕКСИВА И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как мы говорили в начале статьи, типологическое исследование употребления рефлексивных местоимений во многом сводится к выявлению набора синтаксических позиций, которые может занимать каждое конкретное местоимение в том или ином языке. В работе [Тестелец, Толдова 1998] на материале разноструктурных языков была предложена иерархия синтаксических позиций рефлексива (v) на основании следующего обобщения: если рефлексив допустим в синтаксических позициях (a) и (b), то он допу-

стим и во всех позициях, линейно расположенных в иерархии (v) между (a) и (b). Иерархия (v) включает в себя следующие позиции именной группы в предложении: Дпр – прямое дополнение, Дпр(битр) – прямое дополнение битранзитивного глагола (т.е. глагола, имеющего также косвенное дополнение), Коарг – коаргумент прямого дополнения (т.е. актантная именная группа, не являющаяся прямым дополнением), НеактИГ – неактантная именная группа, ИГнефин – именная группа в нефинитной зависимой предикации, ИГфин – именная группа в финитной зависимой предикации. Левый край иерархии составляет наиболее локальная позиция Дпр, а правый – наиболее дистантная ИГфин.

(v) Дпр < Дпр(битр) < Коарг < НеактИГ < ИГнефин < ИГфин

В [Гращенкова 2006] иерархия (v) была уточнена за счет включения в рассмотрение позиции рефлексива внутри группы прилагательного; оказалось, что эта позиция занимает промежуточное положение между именной группой в нефинитной зависимой предикации и именной группой в финитной зависимой предикации, ср. (v').

(v') Дпр < Дпр(битр) < Коарг < НеактИГ < ИГнефин < ИГприл < ИГфин

Применительно к материалу языков эве и акан, который мы рассматриваем, некоторые из этих позиций требуют специального комментария. Во-первых, идентификация позиций Дпр(битр) и Коарг, как было сказано, крайне затруднительна (и вполне возможно, что само терминологическое противопоставление прямого vs. косвенного дополнения неприменимо к данным языкам); тем не менее, поскольку все рассмотренные местоимения могут свободно употребляться в позиции любой из объектных именных групп битранзитивного глагола, мы здесь условно считаем, что для рефлексива в эве и акан доступны обе эти позиции иерархии. Во-вторых, позиция ИГнефин крайне маргинальна и представлена только в одном из двух обсуждавшихся языков; тем не менее, невозможность употребления рефлексива в этой позиции, если она существует, никак не противоречит иерархии. Наконец, позиция ИГприл специально нами не исследовалась (и ее исследование требовало бы вспомогательного изучения вопроса о статусе прилагательного в языках ква); ниже, в качестве в известном смысле промежуточного результата, мы сохраняем позицию ИГприл в том месте иерархии, где она располагается согласно исследованию [Гращенкова 2006].

Рассмотрим теперь специфические позиции рефлексива, связанные с сериальными конструкциями. Если именная группа, зависимая от «левого» семантически полноценного глагола, по-видимому, не требует выделения в отдельную позицию (так как соответствует позиции Дпр), то все прочие именные группы, зависимые от глаголов в сериальной конструкции никак не сводятся к позициям иерархии (v'). Прежде всего, следует выделить именные группы, зависимые от «левого» и «правого» семантически редуцированных глаголов – ИГЛевРед и ИГПравРед соответственно. Далее, среди именных групп, зависимых от семантически полноценного «правого» глагола, выделяются две синтаксических позиции: ДпрПрав – прямое дополнение «правого» семантически полноценного глагола или именная группа, зависимая от прямого дополнения, и ИГНеактПрав – неактантная именная группа, зависимая от «правого» семантически полноценного глагола. Наконец, две отдельных различных позиции образуют именные группы в каузативных сериальных конструкциях, в зависимости от того, является ли семантический субъект каузируемой ситуации подлежащим соответствующего глагола или прямым дополнением глагола каузации; обозначим эти позиции как ИГКаузДоп и ИГКаузПодл. Изложенные выше сведения об употреблении двух рефлексивных местоимений языка эве, *-ɔkui* и *-ntɔ*, и рефлексивного местоимения *hɔ* в языке акан, суммируются в табл. 1. Для наглядности мы включаем в эту таблицу также недопустимые для рассматриваемых местоимений дистантные позиции ИГнефин и ИГфин. Знак «+» означает, что данное рефлексивное местоимение допустимо в данной позиции, знак «-» – что недопустимо, а

знак X означает, что соответствующая позиция принципиально отсутствует в соответствующем языке.

Таблица 1

Употребление рефлексивных местоимений эве и акан в сериальных конструкциях

	<i>-ɔkui</i>	<i>-ntɔ</i>	<i>hɔ</i>
ИГЛевРед	+	+	+
ИГПравРед	+	+	+
ДПрПрав	+ ¹⁶	+	+
ИГНеактПрав	+	—	—
ИГКаузДоп	X	X	+
ИГКаузПодл	—	—	X
ИГнефин	—	—	X
ИГфин	—	—	—

Исходя из имеющегося материала соотнести позиции рефлексивного маркера в сериальных конструкциях друг с другом можно следующим образом. Позиции ИГЛевРед и ИГПравРед наиболее локальны, а иерархически различить их мы не можем, что позволяет обозначить их как единую позицию ИГРед. Позиция ДпрПрав, по-видимому, более дистантна в силу того, что отделена от подлежащего «левым» глаголом, и в силу того, что в целом зависимые «правого» семантически полноценного глагола образуют дистантные позиции; оговорим, впрочем, что данное решение наиболее произвольно. ИГКаузДоп более дистантна, чем рассмотренные выше позиции, поскольку для нее соотношение с подлежащим маргинально. Еще более дистантной позицией является ИГНеактПрав, потому что в этой позиции наблюдаются прямые ограничения на употребление одного из рефлексивных маркеров. Наконец, наиболее дистантной является позиция ИГКаузПодл, не допускающая кореферентности рефлексива подлежащему. Таким образом, рассмотренный материал позволяет предложить для «сериальных» позиций рефлексива иерархию (vi).

(vi) ИГРед < ДпрПрав < ИГКаузДоп < ИГНеактПрав < ИГКаузПодл

Иерархия (vi) существенно отличается от иерархии (v) в том, что она ориентирована на специфические позиции, разработанные нами специально для рассматриваемых языков, которые вряд ли могут быть экстраполированы на все языки с сериальными конструкциями, так как привязаны к порядку слов в языках ква. Тем не менее, в качестве предварительного результата, попробуем соотнести эти иерархии друг с другом.

Исходя из имеющихся данных, наиболее естественно предположить, что иерархия (vi) «вклинивается» в иерархию (v') между позициями НеактИГ и ИГфин, что позволяет объединить их в единую иерархию (vii). Однако (vii) является сугубо гипотетическим построением, требующим тщательной дальнейшей эмпирической проверки.

(vii) Дпр < Дпр(битр) < Коарг < НеактИГ < ИГРед < ДпрПрав < ИГКаузДоп < ИГНеактПрав < ИГКаузПодл < ИГнефин < ИГприл < ИГфин

¹⁶ Употребление местоимения *-ɔkui* в данной позиции, как мы показали, несколько ограничено тем, что для определенного класса бенефактивных сериальных конструкций приоритетна его кореферентность не подлежащему, а прямому дополнению «левого» глагола.

Таким образом, в настоящей работе на ограниченном языковом материале языков с сериальными конструкциями, не привлекавшихся ранее к типологическому исследованию синтаксических позиций рефлексивных маркеров, предлагается существенное расширение иерархии позиций рефлексива. Оговорим, что сделанные в настоящей работе выводы имеют сугубо предварительный характер именно в силу ограниченного объема данных – как собственно доступного материала, так и в отношении количества рассмотренных языков. Необходимой перспективой дальнейших исследований представляется, с одной стороны, внутригенетическая типология рефлексива в языках ква и более широкая ареальная типология рефлексива в языках Западной Африки, а с другой стороны, общая типология использования возвратных местоимений в сериальных конструкциях других языковых семей и ареалов.

СОКРАЩЕНИЯ, ИСПОЛЗУЕМЫЕ ПРИ ГЛОССИРОВАНИИ

1, 3 – 1, 3 лицо, DEF – показатель определенности, NEG – показатель отрицания, PFCT – перфект, POSS – показатель посессивности, PRES – настоящее время, PROGR – прогрессив, PST – прошедшее время, RED – редупликация, REFL – рефлексивное местоимение, SG – ед. число, SUB – подчинительный союз.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агбоджо 1986 – К.О. *Агбоджо*. Глагол и предикат в изолирующем языке (на материале языка эве). Дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 1986.
- Гращенкова 2006 – А.Э. *Гращенкова*. Рефлексивы в группе прилагательного: теоретические проблемы и типология // ВЯ. 2006. № 1.
- Лютикова 1999 – Е.А. *Лютикова*. Без подлежащих и дополнений: рефлексивизация в багвалинском языке // Е.В. Рахилина, Я.Г. Тестелец (ред.). Типология и теория языка: К 60-летию А.Е. Кибрика. М., 1999.
- Лютикова 2002 – Е.А. *Лютикова*. Когнитивная типология: рефлексивы и интенсификаторы. М., 2002.
- Падучева 1985 – Е.В. *Падучева*. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.
- Плунгян 1988 – В.А. *Плунгян*. Глагольная сериализация как лексический феномен // Н.В. Громова (ред.). Лексикология и словообразование африканских языков. М., 1988.
- Тестелец, Толдова 1998 – Я.Г. *Тестелец*, С.Ю. *Толдова*. Рефлексивные местоимения в дагестанских языках и типология рефлексива // ВЯ. 1998. № 4.
- Тестелец 2001 – Я.Г. *Тестелец*. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Шлуинский, в печ. – А.Б. *Шлуинский*. Битранзитивные глаголы в языках ква и синтаксический статус их объектов (на материале эве и акан) // Исследования по языкам Африки 2007. М., в печати.
- Agbedor 1994 – P. *Agbedor*. Verb Serialization in Ewe // Nordic journal of African studies. 3. № 1. 1994.
- Aikhenvald, Dixon (eds.) 2005 – A.Y. *Aikhenvald*, R.M.W. *Dixon* (eds.). Serial verb constructions: a cross-linguistic typology. Oxford, 2005.
- Alsina et al. (eds.) 1997 – A. *Alsina*, J. *Bresnan*, P. *Sells* (eds.). Complex predicates. Stanford, 1997.
- Baker 1989 – M. *Baker*. Object sharing and rojection in serial verb constructions // Linguistic Inquiry. 20. № 4. 1989.
- Bamgbose 1974 – A. *Bamgbose*. On serial verbs and verbal status // Journal of West African languages. 9. № 1. 1974.
- Boadi 1968 – L. *Boadi*. Some aspects of Akan deep synrax // Journal of West African languages. 5. № 2. 1968.
- Bybee et al. 1994 – J.L. *Bybee*, R. *Perkins*, W. *Pagliuca*. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago, 1994.
- Chomsky 1981 – N. *Chomsky*. Lectures on government and binding. Dordrecht, 1981.
- Christaller 1875 – J.G. *Christaller*. A grammar of Asante and Fante language. Basel, 1875.
- Essegbey 1999 – J. *Essegbey*. Inherent complement verbs revisited: towards an understanding of argument structure in Ewe. PhD thesis. Leiden, 1999.

- Essilfie 1984 – *T. Essilfie*. Causation and the role of serialisation in Fante // *Journal of Asian and African studies*. 27. 1984.
- Frajzingier, Curl* (eds.) 2000 – *Z. Frajzingier, T.S. Curl* (eds.). *Reflexives: Forms and functions*. Amsterdam; Philadelphia, 2000.
- Greenberg 1963 – *J. Greenberg*. *The languages of Africa*. The Hague, 1963.
- Hyman 2003 – *L. Hyman*. How to become a 'Kwa' verb // *Journal of West African languages*. 30. № 2. 2003.
- Kemmer 1993 – *S. Kemmer*. *The Middle voice*. Amsterdam; Philadelphia, 1993.
- Law, Veenstra 1992 – *P. Law, T. Veenstra*. On the structure of serial verb constructions // *Linguistic Analysis*. 22. № 3-4. 1992.
- Lawal 1993 – *S.A. Lawal*. The Yoruba serial verb construction: A complex or simple sentence // *S.S. Mufwene, L. Moshi* (eds.). *Topics in African linguistics*. Amsterdam; Philadelphia, 1993.
- Lefebvre, Brusseau 2002 – *C. Lefebvre, A.-M. Brusseau*. *A grammar of Fongbe*. Berlin, 2002.
- Letuchiy 2006 – *A. Letuchiy*. Case marking, possession and syntactic hierarchies in Khakas causative constructions in comparison with other Turkic languages // *L. Kulikov, A. Malchukov, P. de Swart* (eds.). *Case, valency and transitivity*. Amsterdam; Philadelphia, 2006.
- Lord 1993 – *C. Lord*. Historical change in serial verb constructions. Amsterdam; Philadelphia, 1993.
- Manzini, Wexler 1987 – *M.R. Manzini, K. Wexler*. Parameters, binding theory, and learnability // *Linguistic inquiry*. 18. № 3. 1987.
- Osam 1994 – *K.E. Osam*. From serial verbs to prepositions and the road between // *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 47. № 1. 1994.
- Osam 2002 – *K.E. Osam*. Reflexive marking and related functions in Akan // *Journal of Asian and African studies*. 64. 2002.
- Osam 2003 – *K.E. Osam*. An introduction to the verbal and multi-verbal system of Akan // *D. Beer-mann, L. Hellan* (eds.). *The proceedings of TROSS – Trondheim summer school: Multi-verb-constructions*. Trondheim, 2003.
- Reinhart 1983 – *T. Reinhart*. *Anaphora and semantic interpretation*. London, 1983.
- Saah 1989 – *K.K. Saah*. Reflexivization in Akan // *Journal of West African languages*. 19. № 2. 1989.
- Schachter 1974 – *P. Schachter*. A non-transformational account on serial verbs // *Studies in African linguistics*, supplement 5. 1974.
- Sebba 1987 – *M. Sebba*. *The syntax of serial verbs*. Amsterdam; Philadelphia, 1987.
- Stahlke 1970 – *H. Stahlke*. Serial verbs // *Studies in African linguistics*. 1. № 1. 1970.
- Stewart J. 1963 – *J. Stewart*. Some restrictions on objects in Twi // *Journal of West African languages*. 1. 1963.
- Stewart O. 2001 – *O. Stewart*. *The serial verb construction parameter*. New York; London, 2001.
- Westermann 1907 – *D. Westermann*. *Grammatik der Ewe-Sprache*. Berlin, 1907.
- Williamson 1989 – *K. Williamson*. Niger-Congo overview // *J. Bendor-Samuel* (ed.). *The Niger-Congo languages*. Lanham, 1989.